

Фредерик Бегбедер

Каникулы в коме

Диане Б.

Одной тебе,

От влюбленного по уши Ф. Бегбеде...

Let's dance

The last dance

Tonight

Yes it's my last chance

For romance

Tonight.

Donna Summer. «Last Dance» (Casablanca Records)

Вторые романы пишут авторы второй свежести.

Я.

19.00

Он причесывается, надевает или снимает куртку или шарф с таким видом, словно бросает цветок в еще не засыпанную могилу.

Жан-Жак Шуль. «Розовая пыльца»

Марку Марронье двадцать семь лет, у него славная квартирка и непыльная работа, поэтому накладывать на себя руки он отнюдь не собирается. Кто бы сомневался.

В дверь звонят. Марк Марронье много чего любит в жизни: фотографии из «Харперз Базар», ирландское виски безо льда, авеню Веласкеса, одну песенку («God only knows» «The Beach Boys»), шоколадные эклеры, одну книгу («Две вдовы» Доменика Ногэ) и отложенную эякуляцию. А вот неожиданных звонков в дверь он не любит.

– Мсье Марронье? – спрашивает посыльный в мотоциклетном шлеме.

– Он самый.

– Это вам. Посыльный в шлеме (их еще зовут «Спиру в золотом тазике») протягивает ему конверт почти в квадратный метр площадью, а сам весь дрожит от нетерпения – как будто ему приспичило сходить по малой нужде. Марк берет конверт и вручает парнишке десять франков, чтобы тот навсегда исчез из его жизни. Ибо Марку Марронье и без посыльного в мотоциклетном шлеме неплохо живется. Он не особенно удивляется, обнаружив в конверте следующее:

НОЧЬ В «НУЖНИКАХ»

Торжественное открытие Площадь Мадлен

Париж

Зато слова на листке, прикрепленном к пригласительному билету, – полная

неожиданность:

«Вечером увидимся, старый пидор! Жосс Дюмулен, диск-жокей» ЖОСС ДЮМУЛЕН?

А Марк-то считал, что он навсегда свалил в Японию. Или помер.

Но мертвые не устраивают дискотек. И вот Марк Марронье ворошит пятерней свою шевелюру {признак хорошего настроения}. Следует сказать: эту самую «ночь в „Нужниках“ он предвкушает давно. Вот уже целый год он проезжает мимо места, где сооружается „самый большой ночной клуб Парижа“. И каждый раз у него мелькает мысль, что на открытии будет полным-полно клевых телок.

Марк Марронье любит нравиться клевым телкам. Может быть, и очки-то он носит именно по этой причине. Коллеги по работе утверждают, что в них он похож на Уильяма Херта, когда тот не в форме. (NB. Поскольку заработал близорукость – в лицее им. Людовика Великого и сколиоз – на факультете политических наук.)

Официальное заявление: сегодня вечером, что бы там ни случилось, Марк Марронье намеревается вступить в половую связь. Возможно, с незнакомым человеком. Возможно, их даже будет несколько – кто знает? Он берет с собой шесть резинок, поскольку Марк Марронье – парень амбициозный. Марк Марронье сознает, что скоро отдаст концы: лет этак через сорок. За это время он еще успеет нам надоесть.

Светский предатель, кухонный бунтовщик, наймит глянцевого журналов, застенчивый буржуа – полжизни он прослушивает свой автоответчик, другую половину – оставляет сообщения на чужих, одновременно безостановочно переключая тридцать каналов кабельного телевидения. Иногда он по несколько дней подряд забывает поесть.

В день своего появления на свет он уже, что называется, вышел в тираж. Есть страны, где люди доживают до глубокой старости: в Нейи-сюр-Сен стариками рождаются. Еще не начав жить, Марк пресытился жизнью и теперь смакует свои поражения. Например, гордится тем, что написал несколько книжонок в сотню страниц толщиной, которые разошлись тиражом в три тысячи экземпляров. «Поскольку литература мертва, я довольствуюсь тем, что пишу для своих друзей''' – изрекает он на званных

ужинах, допивая вино из стаканов соседей. Пусть Нейи-сюр-Сен продолжает им гордиться. Хроникер-ноктюрнист, редактор-концептуалист, журналист-литератор – у всех профессий Марка составные названия. Он не желает ничему отдаться целиком – ведь тогда пришлось бы выбирать. Но в наши дни, по утверждению Марка, „весь мир съехал с катушек и единственный имеющийся выбор – кем стать: шизофреником или параноиком“. Как и все хамелеоны (Фреголи, Зелиг, Тьерри Ле Люрон), Марк по-настоящему ненавидит только одиночество. Вот почему в этом мире существует множество Марков Марронье. Дельфин Сейриг умерла в полдень, а сейчас семь часов вечера. Марк снимает очки, чтобы почистить зубы. Вам же только что объяснили, что он от природы неуравновешенный.

Счастлив ли Марк Марронье? Да уж пожаловаться не на что. Каждый месяц он тратит кучу денег, да и детьми не обременен. Вот это и называется счастьем – жить в свое удовольствие. Одна незадача – нет-нет, да и засосет от страха под ложечкой, а почему – Марк и сам не знает. Беспричинная Тоска. Именно она заставляет его плакать на плохих фильмах. Очевидно, чего-то ему не хватает, но чего? Слава богу, состояние это, как правило, быстро проходит.

Итак, его ждет встреча с Жоссом Дюмуленом. Интересно, как все пройдет, ведь столько воды утекло... В последнем номере «Вэнити фэйр» Жосса назвали «the million dollars deejay». Жосс – старый друг Марка, но он, по правде говоря, не знает, как относиться к славе приятеля, Марк чувствует себя спринтером, у которого нога застряла в стартовой колодке и он с бессильной злобой наблюдает за соперником, поднимающимся на пьедестал почета под рев толпы.

Коротко говоря, Жосс Дюмулен – повелитель мира: он занимается главным в этом мире делом в самом могущественном городе Вселенной. Жосс Дюмулен – лучший диджей Токио.

Стоит ли повторяться и напоминать вам, каким образом диск-жокеи захватили власть? В гедонистическом обществе, да еще таком легковесном, как наше, граждане интересуются одним – развлечениями! (Секс и деньги не являются исключением: деньги позволяют посещать вечеринки, а вечеринки позволяют находить сексуальных партнеров.) А диск-жокеи правят на вечеринках. Им теперь мало ночных клубов – они придумали «рэйв» и заставляют людей танцевать в ангарах, на автостоянках, в цехах

заводов и на пустырях. Именно они убили рок-н-ролл и придумали рэп и хауз. Днем они царят в хит-парадах, ночью – в клубах. От них никуда не денешься. Диджей превращают наше существование в череду ремиксов. Никто на них за это не в обиде: мы ведь все равно всегда делегируем кому-то власть, так почему бы не диджеям? У них-то хватки ничуть не меньше, чем у бывшего киноактера или адвоката. В конце концов, для того чтобы править, достаточно уметь слушать, производить впечатление культурного человека и уметь заводить публику.

Забавное это ремесло – диджей: нечто среднее между прелатом и проституткой. Приходится отдавать все тем, кто не даст вам ничего взамен. Ставить пластинки, чтобы другие могли танцевать, веселиться, снимать хорошеньких девочек в платьях в обтяжку, А потом возвращаться к себе домой – в одиночестве, со стопкой дисков под мышкой. Диджей всю жизнь стоит перед дилеммой: он использует чужую музыку, чтобы заставить плясать под нее чужих людей. Он – нечто среднее между Робин Гудом (который грабит, чтобы раздавать) и Сирано де Бержераком (который живет «по доверенности»). Коротко говоря, первейшая профессия нашей эпохи – сводить людей с ума. Жосс Дюмулен не стал, подобно Марку, губить свою молодость в стенах Института общественных наук. Как только ему исполнилось двадцать, он усвистал в Японию, имея в багаже всего три слагаемых успеха на «Н»: Напор, Наглость и Независимость. Почему именно в Японию? Да потому, что «тусоваться лучше всего в самой богатой стране мира: где бабки – там и веселье!».

Очень скоро безделье стало профессией Жосса: не прошло и года, какой превратился в талисман японских ночей. Его вечеринки в «Джулиане» имели бешеный успех. Малыш попал в яблочко: жители Токио как раз начали открывать для себя радости капиталистического разложения. Правительство становилось все более коррумпированным, иностранцы – все более многочисленными. Золотая токийская молодежь не успевала прожигать родительские денежки. Да уж: Марк Марронье выбрал нету дорогу в жизни... Как-то раз он навел друга в Токио и может засвидетельствовать: стоило Жоссу Дюмулену войти в «Голд», и все парни, как один, принимались шумно втягивать воздух ноздрями и жевать промокашку. Что до японских барышень, то они, завидев Жосса, прикидывались гейшами. У Марка осталась куча поляроидных снимков, подтверждающих правдивость его слов. Жосс Дюмулен проживал жизнь за Марка. Он снимал всех девушек, к которым Марк не решался подойти.

Принимал все наркотики, которые тот боялся попробовать. Жосс и Марк совсем не похожи: наверное, поэтому они когда-то были так дружны.

Марк пьет только газированные напитки: кокаколу утром, «Гуронсан» – в полдень и водку с содовой – вечером. Он целый день пожирает пузырьки. Ставя на тумбочку стакан «алка-зельцера» (один раз не считается), он вспоминает Токийскую бухту и океан – ах какой Тихий! Марк думает о той ночи в «Лав энд секс» (последний этаж «Голд»), когда он и еще с десятков приятелей Жосса «употребляли» малышку-китайночку... прикованную к кровати наручниками. Потом он познакомился с женой Жосса. Впрочем, так проходили почти все вечера в Токио. Марку не повезло: его родители живы и здоровы. День за днем они проедают его наследство. А Жосса цифровой сэмплер – устройство, изобретенное в середине восьмидесятых, – сделал богатым и знаменитым. Сэмплер позволяет вычленять лучшие куски любого музыкального произведения и «закольцовывать», создавая, таким образом, новое произведение в танцевальном стиле.

Благодаря этому гениальному изобретению диджеи, бывшие прежде музыкальными роботами, стали полноценными музыкантами. (Вообразите, что было бы, если бы библиотекари стали сами писать книги, а хранители музеев – рисовать.) Жосс очень быстро просек свою выгоду: его продукция захватила ночные клубы Японии, sic! – всего мира. Днем Жосс в своей дискотеке «стриг» самые клевые записи, а ночью обрушивал их на головы гостей, отслеживал их реакцию, чтобы отбросить худшее и сохранить самое заводное. Жосс искал свой путь посредством проб и ошибок: ибо нет в мире лучшей фокусной группы, чем посетители танцпола. Вот так он и стал мировой звездой, пока наш герой корпел над бесполезными учебниками. Коммерческий успех не заставил себя ждать. Именно Жосс первым смешал крики птиц с месопотамскими хорами: диск вышел на первое место в тридцати странах, включая Шри-Ланку и СНГ. Следом за этим Жосс совместил ритм «босса-сукусс» с темой из «Вариаций Гольдберга»: мегахит сразу же попал в жесткую ротацию «MTV-Eurore». Марк и сегодня смеется, вспоминая то лето, когда на экраны телевизоров вышел клип Дюмолино в стиле «босса-сукусс» (спонсором была «Оранжеина») и стало модно танцевать, держа партнершу за сиськи.

Все шло, как по-накатанному: состояние Жосса росло как на дрожжах. Жорж Гетари исполняет традиционные израильские напевы в костюмах от

Жана-Поля Готье? Так это придумал Жосс: двадцать три недели на первом месте французского хит-парада. Концепция техно-госпела? Жосс. Инструментальная пьеса, в которой саксофон Арчи Шеппа звучал на фоне ударных в исполнении Кейта Мунаг (да вы его знаете – тот самый инструментал, который навсегда сделал эйсид-джаз старомодным)? Снова Жосс. Дуэт Сильви Вартан и Джонни Роттена? Опять Жосс. Сегодня – Марк прочел об этом в «Вэнити Фэйр» (статья была проиллюстрирована фотопортретом Жосса работы Энни Лейбовитц: маэстро утопал в груди магнитной пленки!) – его старый друг готовит новый суперремикс: звуковая дорожка крушения аэробуса А320 будет наложена на голос Петулы Кларк, поющей «Don't sleep in the subway, darling». А еще придумал запись в стиле «гранж»: речь маршала Петена, наложенная на уникальный концерт Лучано Паваротти на стадионе «Уэмбли», где ему аккомпанирует группа «Эй-Си-Ди-Си». Ни больше, ни меньше. У Жосса – воображение kleptomana, его диски продаются с пылу, с жару, он беспределен во всем: Жосс Дюмулен ухватил суть нашего времени и производит только коллажи.

И вот Жосс организует презентацию «Нужников»: открытия этого клуба ждет весь Париж. Дело это обычное – Жосс разъезжает по всему миру, организуя «парти» в лучших заведениях: в «Клубе» в Нью-Йорке, в мадридском «Паше», в лондонском «Министри оф Саунд», а еще в «90нь» в Берлине, в «Бэби-0» в Акапулько, в «Бэш» в Майами, в «Рокси» в Амстердаме, в «MayMay» в Буэнос-Айресе, в «Элайн» в Риме и уж конечно, в «Спейс» в Ибице. Разные стены, но ногами там дрыгают одни и те же люди, несмотря на время года. Марк раздражен, но потом решает, что во всем есть своя хорошая сторона. В конце концов, Жосс может его познакомить со всеми самыми красивыми девушками, которые придут в клуб, ну, во всяком случае, с теми, которых сам не захочет.

У Марка разветвленная сеть осведомителей: некоторые его подружки весьма «близки» с прессой, другие – со звездами. Они звонят и подтверждают: да, «Нужники» оборудованы в бывшем общественном туалете. На площади Мадлен в рекламных целях установлен гигантский унитаз. Вход оформлен в виде рулона розовой туалетной бумаги двухметровой высоты. Но самое сногшибательное – во всех смыслах – новшество этого модного местечка обещает полностью революционизировать ночной досуг парижан: круговая танцевальная дорожка выполнена в форме сортирного «очка» и как бы слегка «притоплена». В час «Х», который держат в строжайшей тайне, всех

танцующих зальют потоки воды из гигантского сливного бачка. Гостей на вечеринку позвали в последний момент, чтобы сохранить эффект неожиданности. Марк полагает, что большинство приглашенных из кожи вон вылезут, отбрехаются от многочисленных светских обязанностей, но заглянут на открытие. Да уж, сегодня вечером выбрать, куда пойти, не так то просто! Журнальный столик Марка завален приглашениями: вернисаж с перформансом на улице Искусств (в 21-00 художник намеревается отрезать себе обе руки), обед в ресторане у Триумфальной арки в честь сводного брата приятеля басиста из группы Ленни Кравитца, костюмированный бал в старых цехах завода «Рено», в Исси-ле-Мулино, в честь премьеры новых духов («А ля Шен» от Шанель), закрытый концерт восходящих английских звезд, группы «The John Lennons» в «Цикаде», тематическая секс-вечеринка в клубе «У Дениз» («Гетеросексуальные лесбиянки-трансвеститки в кожаных прикидах») и рэйвпарти на Елисейских Полях. И все-таки Марк уверен – сегодня весь Париж будет задавать только один вопрос: «В „Нужники“ идешь?» (Непосвященный рискует ответить невпопад, выдав свою «исключенность» из фронтального опроса.)

Запершись в ванной, Марк вертится перед зеркалом. Сегодня вечером он будет обнимать девушек, не представляясь им. Займется любовью с незнакомыми людьми, не отужинав с ними предварительно наедине раз эдак пятнадцать. Марк ни на кого не собирается производить впечатление – он и себя-то не может удивить. В глубине души Марк, как и все его друзья, мечтает об одном – снова влюбиться.

Он хватает с вешалки белую рубашку и галстук цвета морской волны в белый горошек, бреется, поливает лицо одеколоном, вопя от боли, и выходит на улицу. Марк не желает поддаваться панике.

Он думает: «Нужно все мифологизировать, потому что все и так призрачно. Предметы, места, даты, люди превращаются в миф, стоит объявить их легендой. Каждый, кто жил в Париже в 1940-м, неизбежно становился персонажем Модiano. Любая девка, шатавшаяся по лондонским барам в 1965-м, ложилась в постель с Миком Джаггером. По большому счету, чтобы стать легендой, достаточно набраться терпения и дожидаться своей очереди. Карнаби-стрит, Хэмптоны, Гринвич-Виллидж, озеро Эгбелетт, Сен-Жерменское предместье, Гоа, Гетари, Параду, Мюстик, Пхукет... Зайдите на секунду в сортир в любом из этих мест – и через двадцать лет будете иметь полное право хвастаться: „я там был“. Время – таинство. Вы

запарились жить? Потерпите – скоро вы станете легендой!» Ходьба пешком всегда наводит Марка на такие вот странные мысли.

Но труднее всего быть живой легендой. Жоссу Дюмулену это, похоже, удалось. А кстати, «живая легенда» сует руки в карманы? Носит кашемировый шарф? Снизойдет до «ночи в „Нужниках“»?

Марк проверяет, не оказался ли он в зоне приема «Би-Боп». Ни одного трехцветного значка в поле зрения. Ну, и не о чем беспокоиться. Теперь понятно, почему телефон не звонит: в зоне шестисот метров Марку ничего не грозит.

Раньше Марк ни одного вечера не сидел дома, причем мотался он не только по делам. Изредка его видели с Жосленом дю Муленом (ну да, когда-то его звали именно так: аристократическая приставка исчезла совсем недавно – когда он записался в псевдодемократы).

Погода чудная, и Марк мурлычет себе под нос «Singing in the rain». Это лучше, чем напевать «Солнечный понедельник» под дождем. (К тому же сегодня пятница.)

Париж похож на съемочную площадку – но всего лишь похож. Марк Марронье предпочел бы, чтоб он был из папье-маше. Ему больше нравится тот Новый мост, что Лео Каракс выстроил для своего фильма в чистом поле, – не чета настоящему, который Христо укутал брезентом. Марк был бы не против, чтобы весь этот город добровольно стал иллюзией, отказавшись от реальности. Париж слишком красив, чтоб быть настоящим! Марк мечтает, чтобы тени, движущиеся за окнами, отбрасывали картонные манекены, управляемые с помощью электрического реле. Увы, в Сене течет настоящая вода, здания сложены из прочного камня, а прохожие на улицах ничем не напоминают статистов на ставке. Иллюзия существует, но спрятана она гораздо глубже. В последнее время круг общения Марка стал уже. Он проявляет разборчивость. Вообще-то это старость заявляет свои права. Марк злится, хоть все ему и обещают, что «и это пройдет»...

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)